

КОГДА СВЕТ ЗАПОЛНИТ ВСЕ

— **И**бупрофен.

— С каким вкусом? Есть клубничный и яблочный.

— Самый простой. Вы думаете, кто-то эти таблетки рассасывает?

Фармацевтка не отреагировала на грубость, и Игорь смутился.

— Вас, наверное, заставляют у каждого такое спрашивать, — он протянул в окошко мятую купюру. — Премии лишают, если не предлагаете.

Снова молчание в ответ.

Голова раскалывалась, а ибупрофен нечем было запить. Игорь решил терпеть до дома и не покупать минералку в магазине. Зачем потакать капиталистам в их привычке наживаться на всем? Сначала они продают воду, затем воздух.

Чтобы срезать, Игорь перебрался через дорогу не на светофоре, а там, где частенько перебежали школьники и пассажиры с автобуса. Раньше здесь висела старенькая камера. Она распознавала нарушителей, а затем их по почте штрафовали. Если верить чату антикамерников, на прошлой неделе камеру торжественно разбили анонимные смельчаки.

Нарушая, Игорь на всякий прикрыл лицо ладонью. Вдруг починили.

Когда в поле зрения попала трансформаторная будка, рука машинально потянулась в карман. Пальцы сжали холодные ключи.

В мае здесь Игоря подстерегли два бона с кастетами. Он как раз с ночной смены возвращался. Со спины накиннулись, по-шакальи. Подножку подставили, завалили на асфальт. Огреб по затылку, по лопаткам, по почкам. Хоть били и без сноровки, больнички избежал чудом. Из дома напротив заорала тетка, угрожая полицией. Отчаянный вопль отвлек даже от боли. Лежащий Игорь увидел, как уносятся армейские берцы. Прирожденные идиоты: нападают при свидетелях и свидетелей же пугаются.

Вечером того же дня в местной нацистской

группе борцуны похвастались, как надавали пощам антифа-активисту. Знают ведь, что на них не заявят. Не по анархии.

От воспоминаний о побоях голова затрещала сильнее.

На лестничной площадке этажом ниже скучал незнакомец. Невысокий, в расстегнутой куртке, он озирал из окна скучнейший двор. Игорь нащупал в кармане ключи и поднялся на третий.

У двери поджидал еще один незнакомец. Рослый, в дорогом плаще и почему-то в шляпе. Так в подъезде никто не одевался.

— Вы Игорь Терехин?

Прозвучало мягко, едва ли не извинительно.

— Допустим.

Позади послышались неторопливые шаги. Игорь отступил на ступеньку и обернулся. Тот, что в расстегнутой куртке, отрезал путь к бегству.

Игорь крепче сжал ключи, стараясь ими не звякать. Его взяли в коробочку.

— Вы антифашист, верно?

— Теперь это запрещено?

— Что вы. Мы всего лишь уточняем.

— А вы — это кто?

— Главное управление по противодействию экстремизму. Я Коваленко Андрей Эдгардович, а это Сернов. Анатолий Сергеевич.

Рослый помахал удостоверением. Тот, что пониже, по-прежнему никак себя не выразал. Центр «Э», значит.

— Поступили сведения, что вас готовятся убить, — продолжил Коваленко. — Источник надежный.

— По-моему, вы ошиблись. Извините, мне пора домой, голова болит.

Игорь попытался проскользнуть мимо Сернова, но тот разгадал маневр и до пульсирующей синева в глазах выкрутил Игорю руку за спину.

— Пусти его, Толя. Покалечишь.

Сернов освободил Игоря от захвата и пригрозил сквозь зубы:

— Рыпнешься — я тебя по суставам разберу.

Коваленко подобрал ключи и протянул владельцу.

— Игорь, вы почти ударили сотрудника госбезопасности вот этим металлическим предметом.

— Не «почти», а ударил! — поправил Сернов.

— Не ударил, — настоял Коваленко, — но акцентированное движение сделал.

Игоря трясло — не от страха, а от ненависти. К двум уполномоченным, к их дешевому спектаклю.

— Игорь, обстоятельства складываются не в вашу пользу, — сказал Коваленко. — И я сейчас вовсе не о том, что минуту назад вы напали на Анатолия Сергеевича. Вас и правда готовятся убить.

— Кто?

— Неонацистская молодежная группировка. Та самая, которая атаковала вас весной. Припоминаете?

— Вот вы их и останавливайте. Я тут при чем?

Игорь ходил по тонкому льду и заискивать не собирался. Иногда дерзить — лучший способ показать, что не боишься.

— Не все так просто. — Коваленко вздохнул. — По инструкции, мы обязаны обеспечить защиту. А для этого положено ввести вас в курс дела.

— Так вводите.

— Наглеешь, — предупредил Сернов.

— Толя, остынь. Мне кажется, у Игоря есть причины нам не доверять. Ожидаем у подъезда,

предлагаем защиту непонятно от чего. Любой бы усомнился.

С этими словами Коваленко повернулся к Игорю.

— Вы ведь завтра на дачу? Вы каждые выходные туда ездите.

— Не только в выходные.

— Но завтра точно поедете?

— Допустим.

— И друзья ваши поедут?

— Откуда мне знать? Захотят — поедут, не захотят — нет.

Последнюю фразу Игорь произнес раздраженно и тут же пожалел об этом. Его нервяк, само собой, не укрылся от федералов.

— Игорь, давайте начистоту, — сказал Коваленко. — Главному управлению по противодействию экстремизму известно, что по выходным вы с друзьями-антифашистами собираетесь на даче. В сарае на той же даче вы храните взрывчатые вещества. Аммонал, если конкретно. Также у нас есть достоверная информация, что вооруженное неонацистское формирование планирует вас с друзьями завтра убить. Точнее, не завтра, а в ночь с субботы на воскресенье.

От упоминания взрывчатки сердце Игоря запрыгало в груди.

— Надеемся на ваше благоразумие и предлагаем съездить в отдел, чтобы...

— Это подстава!

Игорь заозирался вокруг. Глазок на двери бабки, что жила по соседству, был крест-накрест заклеен синим скотчем. Две остальные двери на лестничной площадке также ослепли.

— Игорь, надеемся на ваше благоразумие, — с учтивостью повторил Коваленко. — У вас есть реальный шанс помочь городу одолеть неонацистскую банду. Или отомстить отморожкам за ваше избиение, если такая формулировка больше нравится. Для этого нам надо поехать в отдел, где мы введем вас в курс дела. Заметьте, речь не о задержании или аресте. Никаких обвинений и протоколов. Главное — это обезвредить неонацистскую группировку. Кучка подонков портит имидж города и запугивает мигрантов. Кондуктор из Таджикистана чихнул в автобусе, и ему сломали нос. Продавцу на Колхозном рынке крысу дохлую в ящик с фруктами кинули. Акции эти против таксистов из Средней Азии. Не вам объяснять.

Игорь колебался.

— В противном случае, — сказал Коваленко, — сами понимаете, мы обладаем достаточно точными сведениями, чтобы привлечь к ответственности вас. Ни один суд не поверит, что вы производили взрывчатку не для теракта в метро, например.

— Или прямо сейчас повезем на оформление, — добавил Сернов. — За то, что ударил сотрудника госбезопасности.

— Для нас поимка нацистов в приоритете. Они давно сидят в печенках. Если окажете содействие, на ваши нарушения готовы на первый раз закрыть глаза.

— Это подстава, — тихо повторил Игорь.

В сарае, в банке из-под солений, у него в самом деле хранилась горсточка аммонала. Чисто ради любопытства накупил продуктов в хозмаге и смешал их в положенных пропорциях: получится — не получится. И не выбросил, дурак.

Федералы с вызовом смотрели на Игоря.

— Разрешим это недоразумение, — пробурчал он. — А то навесите на меня и терроризм, и нападение, и еще черт знает что. Я вам не покладистый мальчик, чтобы мной манипулировать.

* * *

В служебной машине ожидал третий сотрудник. Разглядеть его хорошенько Игорю не позволили, натянув на голову пыльный черный мешок.

Значит, убивать не планируют. Иначе не делали бы тайну из дороги.

Целый год Игорь боялся, что его заметут. Никаких злостных преступлений он не совершал, но с точки зрения органов вел образ жизни безрассудный и порочный. Читал с друзьями Бакунина и монографии по истории анархосиндикализма и низовых движений в России. Общался с осужденными репостниками и отправлял ободряющие письма политзэкам. Участвовал в добровольных субботниках и акциях в защиту животных. Экспериментировал с небсно-голубой ипомеей и мускатным орехом. В тире занимался. Хранил на жестком диске материалы по изготовлению взрывчатки и прочую запрещенку. Химичил — пусть без задних мыслей — аммонал. И до кучи не пил и не курил. Игорь не считался с законом и был идеальным клиентом Центра «Э»: подозрительным, беспардонным и совершенно безвредным.

Теперь же, когда замели, он неожиданно испытал облегчение. Как будто на новый уровень перешел.

Разумеется, он не поверил, что «на первый раз» его простят. Эти не уймутся, пока душу не вытрясут. Ладно еще, если ограничатся резиновым шлангом.

Хотя почему бы не ограничиться? Козыри-то все на руках.

Если только из любви к насилию поиздеваются. Достанут трансформатор, паяльник, введут под кожу молоко...

Игорь с поразительной для себя отстраненностью прокручивал в голове картины пыток. То ли острая головная боль блокировала страх, то ли он перегорел от долгих переживаний.

В кабинете, куда ввели Игоря, мешок сняли. Перед глазами предстала самая заурядная обстановка: стол, офисные стулья, компьютер, шкаф с документами, шкаф для одежды, электрочайник, кулер, календарь с президентом. По интерьеру и не скажешь, кто здесь обретается: служебная крыса или редактор детского журнала. В таких кабинетах можно уморить без пыток — одной лишь скукой.

Третий сотрудник сразу вышел, так что рассмотреть его опять не получилось. Коваленко, фальшиво насвистывая, повесил плащ, включил компьютер и подвинул к Игорю стул, а сам занял кресло за столом. Сернов встал позади Игоря и ослабил:

— Трепещешь, анархист?

Вид Сернова идеально дополнял его манеры. С зачесанными кое-как набок сальными волосами, криво бритый, с герпесом на губе, он напоминал мужланов, которые в метро устраиваются на двух сиденьях. Галантный и голубоглазый Коваленко, в безупречно сидящем костюме и надушенный брутальным парфюмом, выгодно выделялся на фоне напарника. Роли такие, ничего не попишешь.

— Налейте мне воды, — попросил Игорь. — Таблетку запить.

— Цианистый калий? — пошутил Коваленко. Сернов гоготнул.

— Ибупрофен. Голова раскалывается.

— Толя, принеси ему.

Сернов потопал к кулеру и принес воды на доньшке пластикового стаканчика. Игорь вытащил из кармана пачку ибупрофена и проглотил две таблетки. Сернова это рассмешило.